

Ана Нечта

По
ТОНКОМУ
ЛЬДУ
ЛЮБВИ

Ана Нечта

По тонкому льду любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73135788

SelfPub; 2026

Аннотация

Адель всегда знала, что лёд – её дом.

Каждое движение, каждый прыжок, каждый взгляд на катке – это её мир, в котором она чувствует себя живой. Но что происходит, когда мир вокруг рушится, а привычные границы исчезают?

Вместе с верными подругами, неожиданными встречами и новыми чувствами Адель предстоит узнать, что настоящая сила не всегда в совершенстве движений, а в способности жить, смеяться и любить – даже тогда, когда лёд под ногами исчезает.

Роман о спорте, дружбе, любви и поиске себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ана Нечта

По тонкому льду любви

Глава 1

Глава 1 Идеальный прокат

Адель

Спорт для меня – не просто хобби и не временное увлечение, которое можно оставить в прошлом, когда станет трудно. Спорт – это часть моей жизни. Часть меня самой.

После десяти лет фигурного катания я уже не представляю себя без льда. Без утреннего холода арены, без запаха металла и резины, без скрипа коньков, который режет тишину. Без этого я словно теряю опору, будто из-под ног исчезает не лёд, а сама реальность.

Сюда меня привели родители. Они всегда делали всё, чего я хотела – или, по крайней мере, так казалось со стороны. За свои шестнадцать лет я успела сменить три вида спорта, словно искала место, где смогу задержаться дольше, чем на пару сезонов. Плавание. Гимнастика. Лёгкая атлетика. Всё было «не то».

И только фигурное катание стало домом. Тем самым местом, где я впервые почувствовала, что нужна. Что моё присутствие имеет значение.

Потому что дома – настоящего, человеческого – этого чувства не было.

Меня воспитывали бабушка с дедушкой. Именно они стали моим вторым домом. Сразу после льда. Или, может быть, даже раньше.

Они знали, когда мне лучше промолчать, а когда – просто обнять. Они не требовали медалей, не спрашивали о местах, не сравнивали с другими. Им было важно, чтобы я выходила на лёд и возвращалась с него живой. Улыбающейся. Или хотя бы целой.

А теперь представь, что ты стоишь на льду.

Нет – не просто стоишь.

Ты осталась с ним один на один.

Арена огромная. Почти бесконечная. Она будто расширяется с каждым вдохом. Свет прожекторов режет глаза, но я давно научилась не моргать – стоит потерять концентрацию хотя бы на долю секунды, и равновесие может уйти вместе с ней.

Трибуны шумят, как море перед штормом. Гул голосов, шорох курток, хлопки ладоней, случайные выкрики. Тысячи людей смотрят на меня, но именно сейчас я чувствую себя так, будто вокруг никого нет. Будто я – единственная живая точка в этом холодном, сияющем пространстве.

Музыка ещё не началась.

Есть всего несколько секунд. Короткая, почти невидимая

пауза, в которой ты либо собираешь себя по кускам, либо рассыпаешься окончательно.

Сегодня у меня самый сложный прокат.

Каскад: тройной лутц – тройной риттбергер.

Тройной аксель в самом начале произвольной программы – элемент, который не прощает ни малейшей ошибки, ни секунды сомнения.

Дальше – каскады из четверных, связки, вращения, спирали, где каждое движение должно быть выверено до миллиметра, до дыхания, до удара сердца.

Я знаю эту программу наизусть.

Моё тело знает её лучше, чем я сама.

Иногда мне кажется, что если однажды я потеряю память, если забуду своё имя, возраст, лица людей – ноги всё равно вынесут меня на лёд. И сделают всё сами. Без слов. Без мыслей. Без колебаний.

Прыжок. Толчок. Полёт. Приземление.

Мы с тренерами довели её почти до идеала.

Каждый поворот головы. Каждое положение рук.

Где вдох. Где задержка. Где выдох.

Где я должна быть сильной – резкой, уверенной, негибкой.

А где – хрупкой. Почти прозрачной. Будто я вот-вот исчезну в музыке.

Где смотреть в зал.

А где – внутрь себя.

Но сколько бы лет ты ни провела в спорте, сколько бы раз ни выходила на лёд, есть вещи, которые не стираются.

Страх – одна из них.

Он не похож на панику.

Он не кричит. Не парализует.

Он тихий.

Он сидит где-то под рёбрами и медленно сжимает их изнутри. Ты улыбаешься, киваешь судьям, делаешь вид, что всё под контролем. А внутри всё равно дрожит тонкая струна:

а вдруг сегодня не получится?

Я занимаюсь фигурным катанием десять лет.

Десять лет падений. Синяков. Растяжений. Боли в мышцах и коленях, которые ноют по ночам, не давая уснуть.

Десять лет льда – который был и домом, и врагом, и единственным местом, где я чувствовала себя по-настоящему живой.

Я – чемпионка своей страны.

Звучит красиво. Громко. Уверенно.

Но это звание не отменяет того, что каждый раз, стоя здесь, я волнуюсь так, будто выхожу на лёд впервые.

Моя главная способность – собраться.

Спрятать страх глубоко внутрь.

Зашнуровать его вместе с коньками.

Сделать вид, что его никогда не существовало.

Я научилась жить с ним так, будто это не слабость, а просто ещё одна мышца. Та, которую нужно держать в тонусе.

Музыка вот-вот начнётся.

И знаешь, о чём я думаю в этот момент?

Не о баллах.

Не о судьях.

Не о медалях.

Больше всего после проката мне хочется не домой и не есть.

Мне хочется найти в зале одного человека.

Одного.

Того, кто смотрел бы только на меня.

Не на прыжки. Не на технику. Не на табло с оценками.

А на меня.

Кто болел бы только за меня.

Верил бы в меня, даже если я ошибусь.

Особенно если ошибусь.

Но на трибунах – чужие.

Из родных здесь только бабушка и дедушка.

Они сидят на своих привычных местах – немного левее центра, в третьем ряду. Я знаю это, даже не глядя.

За все годы они не пропустили ни одного моего старта. Ни

одного шоу. Ни одного важного выступления.

Иногда мне кажется, что они знают мой спорт лучше многих тренеров.

Я бесконечно им благодарна. Правда.

Родители тоже должны были быть здесь.

Но у них дежурство. Опять.

У них всегда дежурство, смена, операция, вызов.

Я давно перестала обижаться.

Или просто убедила себя, что перестала.

Но даже если бы они сидели сейчас рядом с бабушкой и дедушкой...

Здесь всё равно не было бы того, кто смотрел бы на меня не как на чемпионку, а как на девочку, которой иногда просто страшно.

Здесь нет того, кто любил бы меня по-настоящему.

И нет того, кого любила бы я.

Иногда мне кажется, что лёд стал для меня заменой всего этого.

Он холодный. Жёсткий. Честный. Он не врёт и не обещает лишнего. Если ты слаб – он тебя накажет. Если ты сильна – даст взлететь.

Наверное, поэтому я и держусь за него так крепко.

Музыка начинается. Я делаю первый толчок и выезжаю в центр арены.

Ты всё ещё представляешь это?

А мне не нужно.

Это не фантазия.

Это – моя жизнь.

Глава 2

Глава 2 Семья

Адель

Каждый день начинается одинаково.

Иногда мне кажется, что я могла бы рассказать его с закрытыми глазами – настолько он врос в меня, стал привычкой, почти инстинктом.

Подъём в пять утра. Будильник звенит слишком громко для такой ранней тишины, и первое желание – накрыться одеялом с головой и притвориться, что сегодня можно не вставать. Но это желание быстро проходит. Я знаю: если дать себе слабинку хоть раз, она зацепится, пустит корни.

Тренировка в восемь. Потом ещё одна. И ещё.

Домой я возвращаюсь поздно – примерно к десяти вечера. Утренние и вечерние пробки одинаково невыносимы, будто город специально испытывает терпение тех, кто и так живёт на пределе.

И всё же есть моменты, когда город кажется другим.

Когда едешь рано утром – ещё в темноте, или поздно вечером – почти в пустоте. Он будто сбрасывает маску, становится честнее. В эти часы он одновременно замирает и живёт, дышит тишиной и редкой суетой сразу. Машины проезжают мимо, фонари мигают, окна в домах загораются по одному – и в этом есть что-то успокаивающее.

Утро – единственное время суток, которое не требует от меня быть кем-то.

Не чемпионкой.

Не примером для подражания.

Не сильной, нестигаемой, выносливой.

Просто собой.

В эти часы мне не нужно соответствовать ожиданиям, держать спину идеально ровно и лицо – собранным. Утро не задаёт вопросов и не ждёт ответов. Оно ничего не требует и ничего не обещает. Оно просто принимает меня такой, какая я есть – сонную, молчаливую, настоящую.

Я выхожу на балкон босиком. Плитка холодная, но эта прохлада приятная – она возвращает в реальность, заземляет, напоминает, что я здесь и сейчас. Весной я всегда завтракаю здесь. Воздух ещё чистый, свежий, не перегруженный дневным шумом и спешкой. Солнце только поднимается и мягко ложится на подоконник – осторожно, будто боится спугнуть утро.

Мне нравится, что мой балкон выходит на восток.

Утро всегда принадлежит мне.

А вечер... вечер забирает город.

Внизу кто-то выгуливает собаку, кто-то спешит на работу, прижимая телефон к уху. Люди идут по своим маршрутам, живут своими жизнями, и ни один из них не знает, кто я.

И в этом есть странное, почти забытое удовольствие – быть никем.

Здесь я не Адель Бланш – чемпионка страны.

Здесь я просто девочка в растянутой домашней футболке, с волосами, собранными в небрежный пучок, и спокойной, почти пустой головой.

Бабушка уже на кухне. Я понимаю это по запаху – тёплому, родному, знакомому с детства. Она готовит мою любимую творожную запеканку с клубничным джемом. Я уверена: если бы у детства был вкус, он был бы именно таким – сладким, мягким, чуть терпким.

– Проснулась, – говорит она, даже не оборачиваясь. – Я так и знала.

– Ты всегда знаешь, – улыбаюсь я, заходя на кухню.

Она ставит тарелку на стол, наливает чай, подкладывает мне ещё фруктов – «на всякий случай». В её заботе нет суеты и лишних слов. Только спокойная, давно устоявшаяся привычка любить и оберегать. Так любят те, кто не ждёт ничего взамен.

Утро – редкая роскошь, и я стараюсь не тратить её впустую. Иногда читаю, иногда просто сижу в тишине, слушая, как дом медленно просыпается: скрип половиц, приглушённые шаги бабушки, щёлканье выключателя. Это время, когда мысли не давят и не требуют решений – они просто существуют рядом со мной.

Читать я полюбила не сразу.

Раньше мне казалось, что книги – лишняя нагрузка для головы, которая и так постоянно занята программами, элементами, прокатами, подсчётами баллов. Но однажды я прочитала роман – и вдруг поняла: книги могут быть не шумом, а укрытием. Местом, где не нужно быть идеальной. Где можно ошибаться, бояться, чувствовать – и за это не снимут баллы.

Чаще всего я читаю современные романы. Классика цепляет редко, но если цепляет – то навсегда. Николас Спаркс и его «Спешите любить» однажды выбили из меня весь воздух. История любви без громких слов, но с настоящими поступками. Лэндон, который остался рядом до конца. Который не испугался боли, потери, одиночества.

Иногда я ловлю себя на мысли: существуют ли такие люди в реальности? Или они живут только на страницах книг – придуманные для того, чтобы мы не переставали верить в невозможное?

– Адель, ты не опоздаешь? – бабушка выглядывает с кухни. – Пробки сейчас.

– Бабуль, у меня ещё три часа. Я всё успею.

– Я тебе с собой покушать собрала. Фрукты, ягоды... йогурт положить?

– Не надо, если что – куплю.

– Какой ещё «куплю»? – она возмущённо поджимает губы. – У нас всё своё.

Я киваю, иногда я ем не только «своё». Просто бабушка

об этом не знает. Или делает вид, что не знает.

Кроме бабушки лучше всех меня знает дедушка. Он всегда рядом. Всегда поддержит. Он баловал меня – по-своему, тихо и ненавязчиво. Умел сказать нужное слово и вовремя промолчать.

Они с бабушкой стали для меня всем.

По-настоящему меня воспитывали именно они – папины родители. Если говорить честно, они и были моей семьёй в классическом смысле этого слова.

Бабушка – маленькая, подвижная, с вечной заботой в глазах и сумкой, в которой всегда найдётся еда «на всякий случай».

Дедушка – высокий, спокойный, с газетой в руках и редким, но очень метким юмором.

Они возили меня на тренировки, сидели в холодных залах, ждали окончания занятий, переживали каждое моё падение так, будто падали сами.

Именно они знали, когда мне страшно.

Именно они умели молчать, когда слова были не нужны.

Моя семья... сложная тема.

Мама и папа – врачи. Люди, которые каждый день спасают чужие жизни, забывая про собственную. Они познакомились ещё в университете, на медфаке. Мама – акушер-гинеколог, папа – нейрохирург. Даже названия их профессий звучат так, будто они изначально были обречены на вечную занятость.

Дежурства. Смены. Экстренные вызовы. Бессонные ночи.
Я рано поняла: ждать их – бесполезно.

Они всегда говорили, что поддерживают меня. И, наверное, это правда. Но поддержка была... на расстоянии. Деньгами. Возможностями. Разрешениями.

А в детстве этого мало. Тогда нужны руки, которые держат. Голос, который рядом. Взгляд, который говорит: я здесь.

Родители мамы... Их будто не существовало. Они были против папы, против его семьи, против её выбора. И когда мама всё равно вышла за него замуж, они просто вычеркнули нас из своей жизни. Меня – тоже. Я никогда не была для них внучкой.

Зато стоило мне начать выигрывать, как они внезапно вспомнили о моём существовании. Звонки. Сообщения. Попытки «наладить контакт».

Мне было неприятно. Я не чувствовала ни злости, ни обиды – только пустоту. Чужие люди не могут внезапно стать близкими, даже если у вас общая кровь.

Однажды они сказали, что мои успехи – это их гены.

А позже начали утверждать, что именно они «всегда верили» и «всё сделали» для моего будущего.

Тогда я впервые поняла, как сильно можно ошибаться в людях, даже не зная их.

На самом деле всё сделала я.

Мои тренеры.

Бабушка и дедушка.

И больше – никто.

Частью моей семьи стал и спорт. Я сама не заметила, когда это произошло. Он не просто вошёл в мою жизнь – он занял в ней пустоты. Заменял собой то внимание родителей, которого мне так не хватало.

Когда было тяжело.

Когда было больно.

Когда не было рядом никого – кроме льда и коньков.

Они стали заботой и добрым словом мамы.

Поддержкой и любовью папы.

Лишь бабушку с дедушкой спорт не заменит никогда.

Глава 3

Глава 3 Те, кто рядом

Адель

С утра собираюсь быстро.

Коньки. Форма. Купальник. Вода. Полотенце.

Я давно привыкла проверять сумку по списку в голове – автоматически, без лишних мыслей. Ошибки здесь не прощаются: забытый элемент экипировки означает минус тренировку. Минус шаг вперёд. Минус шанс стать лучше, чем была вчера. А я не могу себе этого позволить.

Такси приезжает вовремя.

– Ледовый дворец?

– Да, пожалуйста.

Я люблю дорогу туда. Она даёт время настроиться, собраться внутри, привести мысли в порядок. В такси всегда тихо, и эта тишина работает лучше любой медитации. Город медленно просыпается, здания проплывают мимо, и я смотрю на них, будто на старых знакомых. Петербург умеет быть разным: холодным, строгим, величественным. И одновременно – удивительно личным. Иногда кажется, что он знает обо мне больше, чем люди.

Я живу далеко от центра, а дворец находится на другом конце города. Каждый день – маленькое путешествие. Каждый день – напоминание о том, что мир больше моего льда.

Что где-то за пределами катка люди живут иначе, по другим правилам, с другими заботами. Но мне туда не хочется. Моё место – здесь.

В ледовом дворце сегодня непривычно шумно. Школьники, родители, дети. Запах мокрых курток, сладкой ваты и кофе из автомата.

Я училась в обычной школе до пятого класса, потом перешла на домашнее обучение. Многие думают, что я просто «бросила школу», но это неправда. Просто в какой-то момент спорт стал занимать больше места, чем всё остальное. Он вытеснил уроки, перемены, классные разговоры – и я позволила ему это сделать.

Когда-то тренер по гимнастике сказала фразу, которая осталась со мной навсегда:

«Если спорт мешает школе – бросай школу.

Если спорт мешает семье – бросай спорт.»

С последним я бы поспорила.

Потому что, окажись я перед таким выбором, я бы всё равно выбрала лёд.

Мы добираемся до раздевалок как-то слишком быстро. В холле я встречаю Сашу.

Не скажу, что у меня много друзей. Скорее наоборот. Но есть две самые близкие. Нас поначалу связывал только спорт, а потом мы стали настолько близки, что иногда кажется – мы знакомы всю жизнь.

– Адель, привет!

Я невольно вздыхаю.

Саша Светлова. Романтичная, эмоциональная, вечно влюблённая. Мы вместе начинали. Многие считают, что мы жёсткие соперницы, но на самом деле часто помогаем и подсказываем друг другу. Она из тех людей, которые рядом. Тех, кто знает меня порой лучше, чем я сама.

– Привет. Ты чего так рано?

– Да заехала брата забрать. Он с этого года в хоккее решил поиграть.

– Не похоже на тебя. Ты всегда говорила, что он уже большой и сам доберётся. Колись, что случилось?

– Да ничего... тебе показалось. Он всё-таки мой брат.

– Саш, врешь ты так же хорошо, как делаешь недокруты. Колись.

Она тяжело вздыхает и сдаётся.

– В общем... в нашей хоккейной команде, в «Петроградских тиграх», новенький.

– О, наши наконец-то кого-то нашли. Ну и?

– Он такой красавчик... просто слов нет! Брюнет, карие глаза – прям шоколад. Стрижка короткая, стильная, всё время хочется потрогать. А фигура! Видно, что в зале не просто так пропадает. Мускулы под футболкой так и играют.

– И?

– Он из Турции! Представляешь? Играл за сборную! Настоящая звезда. Такой загадочный, красивый... Я таких парней ещё не встречала. Он точно самый-самый, я это чув-

ствую.

– Сашка, ну ты даёшь. Сама фигуристка – и влюбилась в хоккеиста.

Саша меняла парней как перчатки – в отличие от меня. Но, наверное, она была счастлива в каждом своём влюблённом состоянии. Я же могла только представлять, каково это – когда кто-то занимает мысли сильнее, чем тренировки.

– Я не влюбилась! Я просто говорю, как есть.

– Ну да, описала его как небесное создание. Дай угадаю: окажется красивой картинкой с пустотой внутри. Не верь только внешности.

– Может, ты и права... – она пожимает плечами. – Но он красивый.

– Ты о нём всё рассказала, а имя у героя твоего романа есть?

– Ну...

– Ты серьёзно?

Мы смеёмся. Но внутри я снова чувствую привычное отчуждение. Девчонки могут часами обсуждать взгляды, улыбки, прикосновения. А у меня в голове – только тренировки, цели и расписание.

– Ладно, давай в раздевалке увидимся.

– А ты за кофе пойдёшь?

– Я тебя поняла. Капучино с двойным сахаром, как всегда?

Мы смеёмся. Мы знаем друг друга слишком хорошо. Ча-

сто покупаем друг другу кофе или что-то ещё, даже не спрашивая – просто потому, что знаем, насколько это важно в такие утра.

В раздевалке я встречаю Асю. Как всегда собранная, эффективная. В ней удивительным образом сочетались внешняя лёгкость и спортивная мощь – любая программа в её исполнении смотрелась гармонично, будто ей не приходилось бороться с телом.

– Сашка где?

– Видела её в холле. Брата провожает, скоро будет.

Не успеваю договорить, как дверь распахивается.

– Фух, успела! – Саша влетает внутрь, задыхаясь так, будто только что откатала короткую, потом произвольную и в придачу пробежала стометровку. – Привет, Ася. Адель, спасибо за кофе.

Она чмокает меня в щёку.

– Всегда пожалуйста.

– Доброе утро, спортсменки, – раздаётся голос Виктора Сергеевича.

Он появляется внезапно, как всегда. Высокий, подтянутый, с привычной строгостью в движениях. Его присутствие мгновенно меняет атмосферу – воздух будто становится плотнее. Он умеет держать дистанцию, но при этом остаётся близким. Почти как второй отец. Только этот, в отличие от моего, уделяет мне слишком много внимания – иногда даже больше, чем мне хотелось бы.

– Разминка. Общая. Бег на месте. Две минуты.

Я выхожу на лёд с привычным ощущением спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.